

DOI: 10.31862/2500-2953-2025-1-9-37

УДК 81-114.4

Ф.В. Байков

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова,
119991 г. Москва, Российская Федерация

Отрицательные и неопределенные местоимения внутри группы прилагательного в современном русском языке: экспериментальное исследование

Статья посвящена синтаксическому эксперименту, направленному на сравнение свойств единиц отрицательного согласования (вроде отрицательных *ни*-местоимений в русском языке) со свойствами отрицательно поляризованных единиц (таких как неопределенные местоимения на *-либо*) в контексте ограничений локальности, накладываемых на дистантные синтаксические зависимости. Результаты эксперимента демонстрируют, что ограничения, обязательные для отрицательного согласования, в случае лицензирования отрицательно поляризованных единиц могут и не выполняться, а сам запрет на лицензирование сентенциальным отрицанием отрицательных местоимений, содержащихся внутри группы атрибутивного прилагательного, является именно синтаксическим ограничением и не связан с действием неграмматических факторов: предложения с отрицательными местоимениями внутри группы атрибутивного прилагательного получают низкие оценки, тогда как полностью идентичные им во всех остальных отношениях предложения с неопределенными местоимениями оцениваются значимо выше.

© Байков Ф.В., 2025

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International License
The content is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

Ключевые слова: русский язык, отрицательное согласование, отрицательно поляризованные единицы, группа прилагательного, атрибутивные прилагательные, неопределенные местоимения, отрицательные местоимения

Благодарности. Исследование выполнено в рамках проекта РФФ № 22-18-00037 «Параметрическая модель согласования в свете экспериментальных данных», реализуемого в Московском государственном университете имени М.В. Ломоносова. Автор благодарит своего научного руководителя Е.А. Лютикову за внимание, поддержку на всех этапах исследования и ценные рекомендации. Кроме того, автор признателен участникам практикума по экспериментальному синтаксису 2021 и 2023 г. за помощь в подготовке и проведении синтаксических экспериментов, а анонимному рецензенту – за конструктивные замечания.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Байков Ф.В. Отрицательные и неопределенные местоимения внутри группы прилагательного в современном русском языке: экспериментальное исследование // Рема. Rhema. 2025. № 1. С. 9–37. DOI: 10.31862/2500-2953-2025-1-9-37

DOI: 10.31862/2500-2953-2025-1-9-37

Ф. Байков

Lomonosov Moscow State University,
Moscow, 119899, Russian Federation

NCIs and NPIs embedded inside AdjPs in Russian: An experimental study

The article presents a syntactic experiment aimed at comparing the properties of NCIs (exemplified by Russian negative *ni*-pronouns) with those exhibited by NPIs (such as Russian indefinite *libo*-pronouns) in the light of the constraint on licensing NCIs contained within an attributive adjective phrase by sentential negation. The experimental results clearly indicate that the locality restrictions on negative concord are not imposed on the process of NPI licensing. Moreover, the ban is a genuine syntactic constraint irreducible to an effect of any extragrammatical factors: sentences with NCIs embedded within attributive AdjPs receive low scores, while sentences with NPIs that are completely identical in all other respects are rated significantly higher.

Key words: Russian, Russian syntax, negative concord, negative polarity items, adjective phrase, attributive adjectives, negative indefinites, indefinite pronouns

Acknowledgments. The study was carried out within the framework of the RSF project 22-18-00037 “Parametric Model of Agreement in Light of Experimental Data”, implemented at Lomonosov Moscow State University.

The author would like to express his gratitude to his scientific supervisor E.A. Lyutikova for her attention, support at all stages of the study and valuable recommendations. In addition, the author is grateful to the participants of the 2021 and 2023 experimental syntax courses for their assistance in preparing and conducting syntactic experiments, and to the anonymous reviewer for constructive comments.

FOR CITATION: Baykov F. NCIs and NPIs embedded inside AdjPs in Russian: An experimental study. *Rhema*. 2025. No. 1. Pp. 9–37. (In Rus.). DOI: 10.31862/2500-2953-2025-1-9-37

1. Введение

Во многих языках мира встречаются лексические единицы и синтаксические явления, которые проявляют чувствительность к полярности предложения. Их дистрибуция в различных контекстах ограничена, в частности, тем, что они могут встречаться, например, в отрицательных, но не в утвердительных предложениях (или наоборот). В русском к ним относятся отрицательные местоимения и наречия на *ни-* (1a)¹ [Падучева, 2017], а также оформленные генитивом подлежащие неаккузативных глаголов и прямые дополнения переходных (1b) [Падучева, 2006] и вводимые союзом *чтобы* сентенциальные актанты при глаголах вроде *слышать* (1c) [Dobrushina, 2012, sec. 3.3.2] и т.д.

- (1) а. Вася *(не) решил никакую задачу.
 б. Ответа на этот вопрос Вася *(не) получил.
 в. Вася *(не) слышал, чтобы Петя решил бросить университет.

Однако классы контекстов, в которых могут употребляться такие единицы, все же различаются. Выражения, употребляющиеся преимущественно (или исключительно) в отрицательных предложениях, принято делить на две группы [Giannakidou, 2011, p. 1684; Россякин, 2021, i.a.]: отрицательно поляризованные единицы (англ. *negative*

¹ Здесь и далее астериск, стоящий непосредственно перед скобкой, указывает на обязательность заключенного в скобки материала, при опущении которого предложение становится неграмматичным.

polarity items, NPI), для грамматического употребления которых важны семантические свойства контекста (нисходящая монотонность или неверидикативность)², и единицы отрицательного согласования (англ. *negative concord items, NCI*), требующие наличия именно отрицания (а не какого-либо другого оператора) в той же минимальной финитной клаузе.

Основное различие между NPI и NCI состоит в том, что NPI, в отличие от NCI, употребляются не только в отрицательных предложениях, но и в целом ряде других контекстов со снятой утвердительностью, таких как условное придаточное (протасис условного периода), вопросы и т.д. В соответствии с этим русские неопределенные местоимения на *-либо* представляют собой (нестрогие) отрицательно поляризованные единицы (NPI) [Падучева, 2015], которые возможны как в отрицательных предложениях (2a)³, так и в условных придаточных (2b), но не могут встречаться в таком веридикативном контексте, как утвердительные клаузы со сказуемым, выраженным глаголом в прошедшем времени совершенного вида (2c).

- (2) а. Мы не нашли в этой статье чего-либо интересного.
 б. Если бы мы нашли в этой статье что-либо интересное, мы бы тебе сказали.
 в. *Мы нашли в этой статье что-либо интересное.

Отрицательные местоимения на *ни-*, напротив, являются прототипическими единицами отрицательного согласования (NCI), которые возможны только при наличии сентенциального отрицания в той же минимальной финитной клаузе (3а). Напротив, они невозможны как в веридикативных контекстах вроде утвердительных клауз со сказуемым в прошедшем времени совершенного вида (3б), так и в условных

² Сложнее отделить единицы отрицательного согласования от так называемых строгих отрицательно поляризованных единиц (strict NPI), которые обычно допустимы только при наличии сентенциального отрицания в той же клаузе, однако различия обнаруживаются и здесь [Россяйкин, 2021]: строгие отрицательно поляризованные единицы могут лицензироваться матричным сентенциальным отрицанием через границу финитной клаузы, если сказуемое матричной клаузы является предикатом подъема отрицания (Neg-raising predicate), а единицы отрицательного согласования – нет.

³ Интересным свойством целого ряда русских неопределенных местоимений, которые возможны только в неверидикативных контекстах, является недопустимость их употребления в наиболее прототипическом неверидикативном контексте – при сентенциальном отрицании (где возможны, как правило, только единицы отрицательного согласования). Это свойство получило название *bagel problem* и рассматривалось, в частности, в работе [Pereltsvaig, 2006].

- (i) Вася ничего / *чего-либо / *чего бы то ни было не подарил нам.

придаточных (разумеется, если в самом придаточном нет сентенциального отрицания), как в (3с), чем отличаются от отрицательно поляризованных единиц.

- (3) а. Мы не нашли в этой статье ничего интересного.
 б. *Мы нашли в этой статье ничто интересное.
 с. *Если бы мы нашли в этой статье ничто интересное, мы бы тебе сказали.

В литературе сложился определенный консенсус [Brown, 1999; Zeijlstra, 2004; Россяйкин, 2021, i.a.] относительно того, что лицензирование NCI (вроде отрицательных местоимений на *ни-*) – это синтаксический процесс, подчиняющийся условиям локальности (в частности, он ограничен пределами финитной клаузы)⁴. Напротив, лицензирование NPI (таких как неопределенные местоимения на *-либо*) рассматривается обычно как семантическое (а не синтаксическое) явление, нечувствительное к синтаксическим ограничениям локальности (хотя другим синтаксическим ограничениям лицензирование NPI все-таки подчиняется: например, NPI должно находиться в области *s*-командования соответствующего оператора). Например, отрицательно поляризованная единица и лицензирующий ее неверидикативный оператор могут быть разделены границей финитной клаузы, если оператор находится в матричной клаузе, а NPI – в придаточном (4).

- (4) Если бы вы сказали, что нашли в этой статье что-либо интересное, мы бы ее обязательно прочитали.

Как известно, русский язык относится к языкам со строгим отрицательным согласованием: в предложениях, содержащих отрицательные местоимения *и/или* наречия на *ни-*, обязательно должно быть сентенциальное отрицание *не* [Падучева, 2017]. Хотя различные аспекты отрицательного согласования в русском языке рассматривались в значительном числе статей и монографий [Brown, 1999; Abels, 2005; Fitzgibbons, 2010; Garzonio, 2019; Герасимова, Лютикова, 2021; Россяйкин, 2021; Lyutikova, Gerasimova, 2023; Rudnev, 2024; Tsedryk, 2024; Letuchiy, 2025; Rossyaykin, 2025], условиям локальности при внутриклаузальном лицензировании NCI уделялось относительно мало внимания. Одним из немногочисленных исключений является дипломная работа [Рожнова, 2009], в которой описаны ограничения на лицензирование

⁴ Некоторые исследователи все же пытаются, как отмечает анонимный рецензент, свести лицензирование единиц отрицательного согласования к семантике [de Swart, 2010; Kuhn, 2022; van der Auwera, 2022].

отрицательных местоимений через границы различных типов составляющих (именные и предложные группы, группы прилагательного, инфинитивные и деепричастные обороты и т.д.), структурно расположенных между показателем сентенциального отрицания *ne* и NCI. Данные, использованные в упомянутой работе, были взяты в основном из примеров, найденных в корпусе НКРЯ или в русскоязычном сегменте интернета.

В статье будут представлены результаты экспериментального синтаксического исследования, направленного на проверку и расширение одного из обобщений, сформулированных в работе М.А. Рожновой:

- (5) Сентенциальное отрицание может лицензировать отрицательное местоимение или наречие, находящееся внутри группы прилагательного AdjP или именной группы DP/NP, тогда и только тогда, когда эти составляющие (AdjP и DP/NP соответственно) занимают аргументную позицию (и не может, если адьюнктную) [Рожнова, 2009, с. 63].

Для групп прилагательного это утверждение означает, что лицензирование NCI внутри AdjP сентенциальным отрицанием возможно только тогда, когда эта AdjP является неглагольным предикатом (6a, 7a), а не атрибутивным модификатором существительного (6b, 7b), поскольку границы атрибутивной AdjP непроницаемы для того дистантного синтаксического взаимодействия (такого как передвижение [Haegeman, 1995], согласование [Zeijlstra, 2004] или связывание [Laka, 1990]), которое лежит в основе отрицательного согласования.

- (6) а. ^{OK}Задание не будет легким ни для кого.
б. *Это не будет заданием, легким ни для кого.
[Рожнова, 2009, с. 63, (42)]
- (7) а. ^{OK}Клиенты не были довольны качеством ни одного из названных товаров.
б. *Нет клиентов, довольных качеством ни одного из названных товаров. [Там же, (43)]

Статья состоит из пяти разделов и имеет следующую структуру. Раздел 2 посвящен описанию пилотного эксперимента, направленного на проверку корректности эмпирического обобщения (5), и обсуждению его итогов, послуживших отправной точкой основного исследования. В разделе 3 описан дизайн нового эксперимента, целью которого являлось сопоставление предложений с отрицательными

и неопределенными местоимениями внутри группы прилагательного, а в разделе 4 обсуждаются результаты статистической обработки полученных данных. Заключительный раздел 5 посвящен обсуждению итогов проведенного исследования.

2. Пилотный эксперимент

В качестве предварительного пилотного эксперимента мы сравнили предложения с отрицательными местоимениями внутри атрибутивных и предикативных AdjP⁵, чтобы проверить, насколько эмпирически корректно указанное выше обобщение М.А. Рожновой [Рожнова, 2009].

Единственной независимой переменной в пилотном эксперименте была синтаксическая роль AdjP, внутри которой находилось отрицательное местоимение, причем учитывалась и морфологическая форма (полная или краткая) самого прилагательного. Мы рассматривали следующие факторы: атрибутивная или предикативная роль AdjP, содержащей внутри себя отрицательное местоимение; полная или краткая форма прилагательного (для стимульных предложений с AdjP в предикативной позиции); наличие или отсутствие субъектного генитива отрицания в тех предложениях, где AdjP выступает атрибутивным модификатором существительного. Во всех экспериментальных предложениях единица отрицательного согласования, находящаяся внутри AdjP, была представлена сочетанием «ни для кого из + сущ.» или «ни для одного из + сущ.» (каждый из указанных вариантов использовался ровно в половине экспериментальных блоков), причем ее единственным потенциальным лицензором выступало сентенциальное отрицание. Кроме того, во всех стимульных предложениях, где AdjP, содержащая отрицательное местоимение, выступала атрибутивным модификатором существительного, эта AdjP находилась в препозиции к определяемой именной вершине (10), (11). Пример экспериментального блока приведен ниже.

- (8) [AdjP в предикативной позиции в краткой форме]
Последовавший разговор не был приятен ни для кого из собравшихся.
- (9) [AdjP в предикативной позиции в полной форме (инструменталис)]
Последовавший разговор не был приятным ни для кого из собравшихся.

⁵ Более полное описание пилотного эксперимента представлено в работе [Байков, 2024].

- (10) [AdjP в атрибутивной позиции в роли модификатора неглагольного предиката]
Последовавшее обсуждение не было приятным ни для кого из собравшихся разговором.
- (11) [AdjP в атрибутивной позиции в роли модификатора генитивного субъекта]
На сегодняшнем собрании не состоялось приятного ни для кого из собравшихся разговора.

Единственной зависимой переменной была оценка приемлемости предложения респондентом. Предварительная гипотеза, основанная на данных из работы [Рожнова, 2009], состояла в том, что условия (8)–(9) будут скорее оцениваться носителями как приемлемые, а условия (10)–(11) – как неприемлемые (т.е. в среднем получают значимо более низкие оценки).

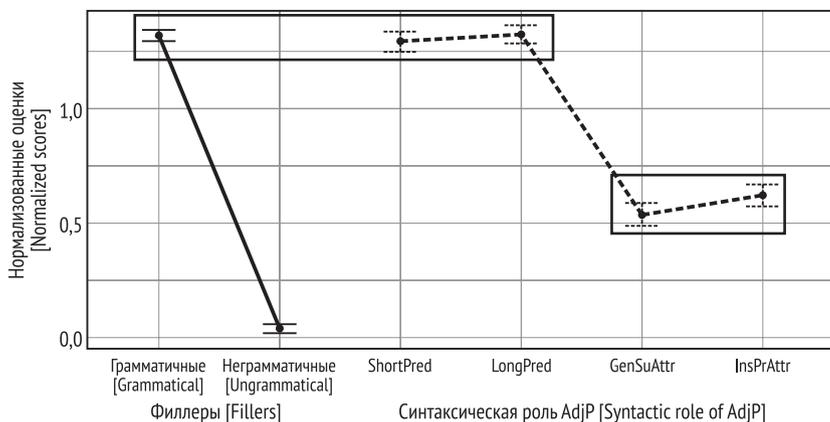
Как грамматичные, так и неграмматичные филлеры были представлены предложениями с отрицательными местоимениями в роли аргумента глагола, но в грамматичных филлерах сентенциальное отрицание присутствовало (12), а в неграмматичных его не было (13):

- (12) [грамматичный филлер: *ни*-местоимение – аргумент глагола; отрицание есть]
^{OK}*Настолько популярным среди студентов не был ни один другой предмет.*
- (13) [неграмматичный филлер: *ни*-местоимение – аргумент глагола; отрицания нет]
^{*}*Его пространнный рассказ был интересен никому из присутствующих.*

Каждому респонденту предлагалось оценить 52 предложения: 16 целевых, 32 филлера (по 16 грамматичных и неграмматичных) и 4 тренировочных.

Всего эксперимент прошли 60 респондентов. После отсева двух из них из-за значительного отклонения в оценках филлеров от ожидаемых значений была проведена статистическая обработка данных, полученных от оставшихся 58 участников. Как показали результаты пилотного эксперимента, отрицательные местоимения, находящиеся внутри атрибутивных AdjP, действительно оцениваются значимо хуже, чем находящиеся внутри предикативных. График взаимодействия, который представлен на рисунке 1, отражает средние нормализованные оценки предложений с отрицательными местоимениями, вложенными в AdjP

в различных синтаксических контекстах. В целях удобства сравнения на графике приводятся также оценки грамматических и неграмматических филлеров. Группы условий, между оценками которых нет статистически значимых различий, заключены в прямоугольники.

Рис. 1. График взаимодействия для пилотного синтаксического эксперимента: отрицательные местоимения внутри AdjP
Группы условий, между оценками которых нет статистически значимых различий, заключены в прямоугольники

Fig. 1. Interaction plot for the pilot experiment: Negative pronouns within AdjP
Groups of conditions whose ratings do not differ significantly are enclosed in rectangles

Результаты множественных попарных сравнений Тьюки (табл. 1) подтверждают обобщение М. Рожновой (5).

Каждое из четырех условий здесь попарно сравнивается с каждым из трех других. Оказывается, что значимые различия отсутствуют, во-первых, между оценками предложений с предикативными группами прилагательного в краткой и полной форме (p -value > 0,99), во-вторых, между предложениями с атрибутивными группами прилагательного в качестве модификатора инструментального неглагольного предиката и генитивного субъекта (p -value > 0,70). Во всех остальных четырех сравнениях, где одно из сравниваемых условий содержит группу прилагательного в предикативной позиции, а другое – в атрибутивной, наблюдается статистически значимое различие в оценках (p -value < 10^{-7}).

Таблица 1

Множественные попарные сравнения Тьюки: пилотный эксперимент
[Tukey's multiple pairwise comparisons: The pilot experiment]

	Разность между групповыми средними [Difference between group means]	Доверительный интервал [Confidence interval]		p-value
		нижняя граница [lower limit]	верхняя граница [upper limit]	
Полная предикативная vs. краткая предикативная [Long predicative vs. short predicative]	0,021	-0,177	0,219	0,9931751
Атрибутивная (модификатор неглагольного предиката) vs. краткая предикативная [Attributive (modifier of a non-verbal predicate) vs. short predicative]	-0,992	-1,194	-0,790	0,0000000
Атрибутивная (модификатор генитивного субъекта) vs. краткая предикативная [Attributive (modifier of a genitive subject) vs. short predicative]	-1,076	-1,278	-0,874	0,0000000
Атрибутивная (модификатор неглагольного предиката) vs. полная предикативная [Attributive (modifier of a non-verbal predicate) vs. long predicative]	-1,013	-1,210	-0,816	0,0000000
Атрибутивная (модификатор генитивного субъекта) vs. полная предикативная [Attributive (modifier of a genitive subject) vs. long predicative]	-1,097	-1,293	-0,900	0,0000000
Атрибутивная (модификатор генитивного субъекта) vs. атрибутивная (модификатор неглагольного предиката) [Attributive (modifier of the genitive subject) vs. attributive (modifier of a non-verbal predicate)]	-0,084	-0,284	0,116	0,7028905

Таким образом, результаты применения множественных сравнений Тьюки подтверждают статистическую значимость наблюдаемых различий в оценках. Предложения с AdjP, содержащими отрицательные местоимения, в предикативной позиции оцениваются значимо выше, чем предложения с такими же AdjP, содержащими отрицательные местоимения, в атрибутивной позиции, что и позволяет сделать вывод о справедливости указанного выше обобщения (5), сформулированного М. Рожновой.

Тем не менее, остается не до конца выясненным, является ли сниженная приемлемость предложений с отрицательными местоимениями внутри атрибутивных AdjP чисто грамматическим явлением. Поскольку все экспериментальные предложения с атрибутивными AdjP содержали отрицательные местоимения, мы не можем отделить снижение оценок, обусловленное неспособностью отрицательного согласования пересекать границу атрибутивной AdjP, от снижения, связанного с употреблением AdjP с выраженным компонентом в препозиции к существительному. Из-за этого нельзя исключать и потенциальное альтернативное объяснение: снижение приемлемости примеров с атрибутивными AdjP, внутри которых находится отрицательное местоимение, связано со сложностью когнитивной обработки (парсинга) таких структур и/или низкой частотностью атрибутивных AdjP с выраженными компонентами, а также с предпочтительностью такого порядка слов, при котором распространенные атрибутивные AdjP располагаются в постпозиции к модифицируемому существительному.

Кроме того, именные группы, модификаторами которых выступали атрибутивные AdjP, употреблялись в «непрототипических» контекстах (генитивное подлежащее неаккузативного глагола и инструментальный именной предикат), тогда как именные группы с более «прототипическими» синтаксическими функциями (например, подлежащее переходного глагола или прямое дополнение) остались за рамками нашего исследования.

Наконец, экспериментально установленное ограничение на внутриклаузальное лицензирование NCI позволяет поставить вопрос о том, как ведут себя отрицательно поляризованные единицы в том же контексте⁶. Если гипотеза о том, что на их лицензирование не накладываются синтаксические ограничения локальности, верна, NPI должны быть приемлемы в качестве дополнений при атрибутивных прилагательных (при наличии в предложении неверидикативного оператора вроде сентенциального отрицания). Чтобы проверить эту гипотезу, мы провели еще один эксперимент.

⁶ В работе [Рожнова, 2009] тоже рассматриваются только отрицательные *ни*-местоимения, а допустимость неопределенных местоимений на *-либо* в тех же контекстах не изучается.

3. Дизайн основного эксперимента

В рамках основного эксперимента мы исследовали вопрос о том, наблюдаются ли значимые отличия в приемлемости отрицательных и неопределенных местоимений внутри атрибутивной группы прилагательного. В новом эксперименте рассматривались атрибутивные AdjP, модифицирующие именные группы как в «прототипических» (аккузативное прямое дополнение), так и в «непрототипических» (инструментальный предикат, генитивное подлежащее) синтаксических функциях, причем в качестве «непрототипических» были взяты те же контексты, что и в пилотном эксперименте.

Чтобы подтвердить, что проблема со структурами такого типа действительно является синтаксической, а не просто обусловлена влиянием неграмматических факторов вроде трудности когнитивной обработки (парсинга) или низкой частотности, мы сравниваем NCI (отрицательные *ни*-местоимения) с NPI (неопределенные местоимения на *-либо*) в одной и той же структурной позиции – в позиции дополнения при атрибутивно употребленном прилагательном в полной форме.

Дизайн нового эксперимента предполагал наличие двух независимых переменных: во-первых, тип местоимения внутри атрибутивной группы прилагательного (эта переменная могла принимать два значения: неопределенное местоимение на *-либо* или отрицательное на *ни*-); во-вторых, синтаксическая роль именной группы, определением внутри которой является AdjP, содержащая нуждающееся в лицензоре местоимение (четыре возможных значения: инструментальный именной предикат (14)–(15); подлежащее неаккузативного бытийного глагола в генитиве отрицания (16)–(17); аккузативное прямое дополнение переходного глагола (18)–(19); прямое дополнение переходного глагола в генитиве отрицания (20)–(21)). Единственной зависимой переменной стала оценка предложения респондентом по шкале Ликерта от 1 до 7, где 1 – самая низкая оценка, а 7 – самая высокая.

Таким образом, в каждом экспериментальном блоке было восемь предложений. Пример экспериментального блока приведен ниже.

- (14) [местоимение на *-либо* + AdjP в роли модификатора инструментального предиката]
Принятые поправки не были чреватými какими-либо разночтениями положениями.
- (15) [*ни*-местоимение + AdjP в роли модификатора инструментального предиката]
Принятые поправки не были чреватými никакими разночтениями положениями.

- (16) [местоимение на *-либо* + AdjP в роли модификатора генитивного субъекта]
В составленном контракте не было чреватых какими-либо разночтениями положений.
- (17) [*ни*-местоимение + AdjP в роли модификатора генитивного субъекта]
В составленном контракте не было чреватых никакими разночтениями положений.
- (18) [местоимение на *-либо* + AdjP в роли модификатора аккузативного дополнения]
Внимательный юрист не выявил чреватые какими-либо разногласиями положения.
- (19) [*ни*-местоимение + AdjP в роли модификатора аккузативного дополнения]
Внимательный юрист не выявил чреватые никакими разногласиями положения.
- (20) [местоимение на *-либо* + AdjP в роли модификатора генитивного дополнения]
Внимательный юрист не выявил чреватых какими-либо разногласиями положений.
- (21) [*ни*-местоимение + AdjP в роли модификатора генитивного дополнения]
Внимательный юрист не выявил чреватых никакими разногласиями положений.

Еще один экспериментальный блок представлен далее в виде таблицы 2. Как можно заметить, нам пришлось допустить различные лексикализации внутри одного блока, поскольку в одном блоке были условия и с неаккузативными глаголами (GenSubj), и с переходными (AccDO и GenDO).

Кроме того, для достижения большего единообразия в стимульных предложениях значения ряда переменных были фиксированными (т.е. оставались одними и теми же для всех предложений). В частности, все глаголы-сказуемые использовались только в прошедшем времени, а переходные глаголы (в примерах с генитивными и аккузативными прямыми дополнениями)⁷ – только в совершенном виде (поскольку несовершенный вид может сам по себе лицензировать местоимения на *-либо*).

⁷ В тех предложениях, где именная группа, включающая атрибутивную AdjP с неопределенным или отрицательным местоимением, является генитивным субъектом или инструментальным предикатом, использовался глагол *быть*.

Таблица 2

Пример экспериментального блока
[Example of an experimental block]

Синтаксическая роль именной группы [Syntactic role of the noun phrase]	Тип нуждающегося в лицензировании местоимения [Type of pronoun requiring licensing]	
	местоимение на -либо (NPI) [indefinite <i>libo</i> -pronouns]	<i>ни</i> -местоимение (NCI) [negative <i>ni</i> -pronouns]
Инструментальный предикат (InstrPred) [Instrumental predicate]	Импортный продукт не был нужным каким-либо потребителям товаром.	Импортный продукт не был нужным никаким потребителям товаром.
Генитивное подлежащее (GenSubj) [Genitive subject]	В скудном ассортименте не было нужного каким-либо потребителям товара.	В скудном ассортименте не было нужного никаким потребителям товара.
Аккузативное дополнение (AccDO) [Accusative object]	Разорившийся бизнесмен не предложил нужный каким-либо потребителям товар.	Разорившийся бизнесмен не предложил нужный никаким потребителям товар.
Генитивное дополнение (GenDO) [Genitive object]	Разорившийся бизнесмен не предложил нужного каким-либо потребителям товара.	Разорившийся бизнесмен не предложил нужного никаким потребителям товара.

Все прилагательные были в полной форме (поскольку атрибутивные прилагательные в краткой форме не употребляются в современном русском языке), все вершинные существительные, определения к которым выступали атрибутивные AdjP, были неодушевленными (это позволило избежать синкретизма генитива и аккумулятива в предложениях, где интересующая нас группа прилагательного была модификатором прямого дополнения), а сами атрибутивные AdjP были препозитивными, т.е. располагались всегда перед определяемым существительным (т.к. постпозитивные AdjP легче лицензируют плавающие определители, кореферентные вершинному имени, т.е. легче допускают наличие собственного подлежащего, а потому могут анализироваться как свернутые относительные придаточные). Наконец, в стимульных предложениях соблюдался баланс по числу вершины именной группы (и, как следствие, согласующегося с ней атрибутивного прилагательного): ровно в половине экспериментальных блоков такие существительные использовались в единственном числе, а в оставшейся половине – во множественном.

В экспериментальных предложениях мы использовали 18 прилагательных, каждое из которых употреблялось с дополнением, выраженным именной группой в косвенном падеже, причем половина прилагательных оформляли свой комплемент дативом, а оставшаяся половина – инструменталисом. К первой группе относились прилагательные *присущий, свойственный, нужный, близкий, привычный, доступный, идентичный, эквивалентный и выгодный*, а ко второй – *интересный, чреватый, опасный, богатый, полезный, примечательный, знаменитый, известный и удобный*. Каждое прилагательное использовалось в двух экспериментальных блоках с различными лексикализациями (однако по два прилагательных в каждой из групп, которые в списке указаны последними, были использованы только в одном блоке). Сама нуждающаяся в лицензировании отрицанием составляющая (комплемент прилагательного) представляла собой именную группу, состоящую из существительного во множественном числе и согласованного с ним местоименного детерминатора *какой-либо* для стимулов с неопределенными местоимениями (NPI) и *никакой* для стимулов с отрицательными местоимениями (NCI). Падеж этой именной группы (датив или инструменталис) определялся моделью управления того прилагательного, зависимым которого она выступала.

Использование в экспериментальном материале прилагательных, способных иметь при себе дополнение, выраженное именной группой в косвенном падеже, позволяет устранить сомнения в аргументном статусе этой именной группы (тогда как в пилотном эксперименте

аргументный статус предложной группы, вводимой предложением для и выступающей в качестве зависимого при прилагательном, не является очевидным).

Все филлерные предложения содержали распространенные атрибутивные AdjP с зависимыми, выраженными наречиями меры и степени, и отрицательные местоимения (которые, однако, находились не внутри AdjP). Филлеры включали равное количество грамматичных и неграмматичных предложений, причем грамматичные содержали как отрицательное местоимение в качестве аргумента глагола, так и синтаксическое отрицание (22), тогда как в неграмматичных отрицательное местоимение было, а прилагательное отрицание отсутствовало (23), что и было причиной неграмматичности филлера.

- (22) [грамматичный филлер: *ни*-местоимение – аргумент глагола; отрицание есть]
Заоблачно высокая прибыль не привлекла никого из инвесторов.

- (23) [неграмматичный филлер: *ни*-местоимение – аргумент глагола; отрицания нет]
*Откровенно издевательский комментарий возмутил никого из подписчиков.

Каждое из восьми экспериментальных условий предлагалось респонденту в четырех различных лексических вариантах, т.е. всего каждый респондент получал 32 стимульных предложения. Чтобы соблюсти соотношение филлерных и стимульных предложений (2 : 1), были добавлены 64 филлерных предложения, общие для всех восьми экспериментальных списков. Таким образом, всякий участник в рамках исследования оценивал 100 представленных предложений (32 целевых, 64 филлерных, 4 подготовительных) по 7-балльной шкале Ликерта. Для псевдорандомизации материала был использован метод латинского квадрата. Респондентам демонстрировалось сразу все предложение целиком, а они должны были оценить его, прежде чем переходить к следующему. На оценивание каждого предложения у респондента было не более 12 секунд.

4. Результаты основного эксперимента

Эксперимент был проведен в мае–июне 2023 г. на платформе PСIbex [Zehr, Schwarz, 2018], а набор респондентов осуществлялся с помощью сервиса Яндекс.Толока (toloka.yandex.ru).

Всего в эксперименте приняли участие 145 респондентов, но после отсева 50 респондентов, чьи оценки филлерных предложений

значительно отклонялись от ожидаемых (критерии отсева были взяты из работы [Герасимова, 2021]), их осталось 95. Средний возраст респондентов, чьи ответы учитывались при обработке результатов эксперимента, составил 38,6 лет ($sd = 11,0$), самому младшему было 18 лет, самому старшему – 63 года (1 человек не указал возраст). Среди респондентов были 42 мужчины и 48 женщин, а 5 человек не указали пол. Нормализовав оценки, выставленные оставшимися 95 респондентами, путем применения трансформации z -score, мы провели статистический анализ результатов с помощью линейных смешанных моделей регрессии и критерия множественных сравнений Тьюки, а затем построили графики взаимодействия переменных (двух независимых и зависимой – оценки предложения респондентом).

Для анализа результатов была посчитана максимальная линейная модель регрессии, учитывавшая все возможные факторы (2 переменные: синтаксическая роль именной группы и тип местоимения – и случайные факторы, обусловленные влиянием ответов одного респондента или ответами респондентов на одну и ту же лексикализацию), затем было проведено итеративное сокращение модели до получения оптимального значения информационного критерия Акаике (AIC) (см. подробнее [Bates et al., 2015]). В оптимальной модели⁸, формула которой представлена в (24), оба фактора, а также их взаимодействие оказались значимы (синтаксическая функция объемлющей именной группы: $\beta = 0,34212$, $SE = 0,04743$, $t = 7,213$, p -value = $4,27 \cdot 10^{-12}$; тип нуждающегося в лицензировании местоимения: $\beta = -0,70287$, $SE = 0,06273$, $t = -11,205$, p -value < $2,0 \cdot 10^{-16}$; синтаксическая функция объемлющей именной группы : тип нуждающегося в лицензировании местоимения: $\beta = 0,38637$, $SE = 0,07371$, $t = 5,242$, p -value = $1,71 \cdot 10^{-7}$).

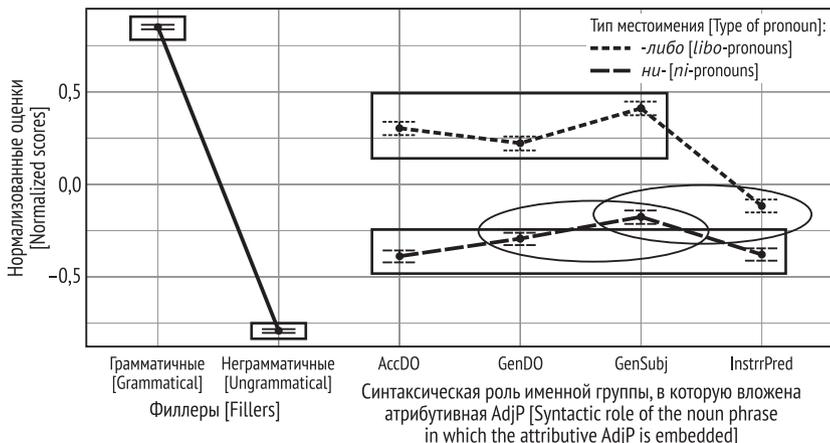
(24) оценка

$$\sim 1 + \text{синтаксическая роль именной группы} \times \text{тип местоимения} \\ + (1 + \text{тип местоимения} \mid \text{респондент})$$

На графике взаимодействия (рис. 2) изображено влияние различных синтаксических функций именной группы на оценку предложений с разными типами местоимений, находящихся внутри атрибутивной группы прилагательного, которая модифицирует эту именную группу. В целях удобства сравнения приведены оценки грамматичных и неграмматичных филлеров. Группы условий, между оценками которых нет

⁸ Модель значима (LR-test = 107,29, $df = 7$, p -value < 0,0001), в пользу чего свидетельствует сравнение с моделью с той же структурой случайных эффектов и без фиксированных эффектов.

статистически значимых различий, заключены в прямоугольники, как и на рисунке 1⁹.

Рис. 2. График взаимодействия для основного эксперимента: неопределенные и отрицательные местоимения внутри атрибутивной AdjP

Fig. 2. Interaction plot for the main experiment: Indefinite and negative pronouns within an attributive AdjP

Видно, что результаты эксперимента подтверждают обобщение, сделанное М.А. Рожновой [Рожнова, 2009]: оценки предложений с отрицательными местоимениями в целом заметно ниже, чем оценки предложений с неопределенными местоимениями. Парные сравнения Тьюки, представленные в таблице 3, также показывают, что предложения с *либо*-NPI внутри атрибутивных AdjP стабильно получают высокие оценки, а предложения с *ни*-NCI в той же позиции были оценены значительно хуже.

Очень многие контрасты из исследованных в эксперименте оказываются значимыми. Во-первых, все условия с неопределенными местоимениями на *-либо* значимо отличаются от грамматичных филлеров

⁹ Еще две пары условий, между оценками которых нет значимых различий, выделены овалами. Дело в том, что между отрицательными местоимениями, вложенными в AdjP, которая модифицирует генитивное прямое дополнение, и неопределенными местоимениями, вложенными в AdjP, которая модифицирует инструментальный предикат, различие все-таки значимо. Такая ситуация, когда некоторое условие (отрицательные местоимения внутри AdjP, модифицирующей генитивное подлежащее) не отличается значимо от двух других, которые, тем не менее, значимо отличаются друг от друга, вполне нормальна.

(во всех случаях p -value < 0,0001). Во-вторых, предложения с отрицательными местоимениями на *ни*- значимо отличаются от неграмматичных филлеров (во всех случаях p -value < 0,0001). В-третьих, статистически значимы по результатам попарных сравнений Тьюки различия между такими парами условий, где в одном из членов пары присутствует отрицательное местоимение на *ни*-, а в другом – неопределенное местоимение на *-либо* (p -value < 0,0001 для всех пар условий, где синтаксическая функция именной группы, модификатором которой является AdjP с отрицательным или неопределенным местоимением, одна и та же).

Единственным исключением из этой закономерности является пара «неопределенное местоимение на *-либо* внутри определения к инструментальному предикату vs. отрицательное местоимение на *ни*- внутри определения к генитивному субъекту», где значимое различие отсутствует (p -value = 0,9313). Это связано с тем, что неопределенные местоимения на *-либо* внутри атрибутивной AdjP при инструментальном предикате оценивались значимо хуже *либо*-местоимений в других позициях¹⁰, а отрицательные местоимения на *ни*- внутри атрибутивной AdjP при генитивном субъекте оценивались выше *ни*-местоимений в других позициях. Таким образом, контраст отсутствует между худшим из условий с *либо*-местоимениями и лучшим из условий с *ни*-местоимениями (а все остальные пары «*либо*-местоимение vs. *ни*-местоимение», как уже было отмечено выше, значимо различаются).

Статистически значимыми оказались также и некоторые противопоставления внутри предложений с *либо*-местоимениями, а также внутри предложений с *ни*-местоимениями. Во-первых, неопределенные местоимения на *-либо* внутри атрибутивной AdjP при инструментальном предикате оценивались значимо хуже *либо*-местоимений в остальных позициях (для всех трех пар условий p -value < 0,0001). Во-вторых, отрицательные местоимения на *ни*- внутри атрибутивной AdjP при генитивном подлежащем оценивались выше *ни*-местоимений внутри определений к аккумулятивному прямому дополнению или к инструментальному

¹⁰ Сниженная приемлемость неопределенных местоимений на *-либо* внутри AdjP, модифицирующих инструментальный именной предикат, по всей вероятности, является следствием меньшей прагматической естественности соответствующих экспериментальных предложений (14). Кроме того, снижение оценок, возможно, объясняется еще и присутствующим в них «эффектом садовой дорожки» (т.н. garden path effect): сначала группа прилагательного воспринимается респондентами как предикат, а после появления существительного, являющегося вершиной ИГ-предиката, происходит реанализ (Е.А. Лютикова, личное сообщение). Наконец, если использованное прилагательное оформляет свой комплемент инструменталисом, в таком предложении оказываются линейно соположенными два существительных в творительном падеже (комплемент прилагательного и именная вершина), что также могло вызвать снижение оценок.

предикату (для обеих пар p -value < 0,0012), однако в случае с противопоставлением *ни*-местоимений внутри определений к генитивному подлежащему и генитивному дополнению различие не достигло порога статистической значимости (p -value = 0,0648). Остальные исследованные в рамках эксперимента различия оказались незначимыми.

Таблица 3

Множественные попарные сравнения Тьюки:
основной эксперимент (только значимо различающиеся
пары условий) [Tukey's multiple pairwise comparisons:
Main experiment (only significantly different pairs of conditions)]

Сравниваемые условия [Conditions being compared]	estimate	SE	df	z.ratio	p-value
AccDO <i>libo</i> > AccDO <i>ni</i>	0,70	0,06	Inf	11,50	<0,0001
AccDO <i>libo</i> > GenDO <i>ni</i>	0,65	0,06	Inf	10,62	<0,0001
AccDO <i>libo</i> > GenSubj <i>ni</i>	0,50	0,06	Inf	8,14	<0,0001
AccDO <i>libo</i> > InstrPred <i>ni</i>	0,73	0,06	Inf	11,92	<0,0001
GenDO <i>libo</i> > AccDO <i>ni</i>	0,62	0,06	Inf	10,13	<0,0001
GenDO <i>libo</i> > GenDO <i>ni</i>	0,56	0,06	Inf	9,24	<0,0001
GenDO <i>libo</i> > GenSubj <i>ni</i>	0,41	0,06	Inf	6,77	<0,0001
GenDO <i>libo</i> > InstrPred <i>ni</i>	0,64	0,06	Inf	10,55	<0,0001
GenSubj <i>libo</i> > AccDO <i>ni</i>	0,84	0,06	Inf	13,72	<0,0001
GenSubj <i>libo</i> > GenDO <i>ni</i>	0,78	0,06	Inf	12,84	<0,0001
GenSubj <i>libo</i> > GenSubj <i>ni</i>	0,63	0,06	Inf	10,37	<0,0001
GenSubj <i>libo</i> > InstrPred <i>ni</i>	0,86	0,06	Inf	14,14	<0,0001
InstrPred <i>libo</i> > AccDO <i>ni</i>	0,29	0,06	Inf	4,77	0,0001
InstrPred <i>libo</i> > GenDO <i>ni</i>	0,24	0,06	Inf	3,87	0,0043
InstrPred <i>libo</i> > InstrPred <i>ni</i>	0,32	0,06	Inf	5,18	<0,0001
AccDO <i>libo</i> > InstrPred <i>libo</i>	0,41	0,05	Inf	8,33	<0,0001
GenDO <i>libo</i> > InstrPred <i>libo</i>	0,33	0,05	Inf	6,63	<0,0001
GenSubj <i>libo</i> > InstrPred <i>libo</i>	0,55	0,05	Inf	11,07	<0,0001
GenSubj <i>libo</i> > GenDO <i>libo</i>	-0,22	0,05	Inf	-4,46	0,0004
GenSubj <i>ni</i> > AccDO <i>ni</i>	0,21	0,05	Inf	-4,17	0,0012
GenSubj <i>ni</i> > InstrPred <i>ni</i>	0,23	0,05	Inf	4,69	0,0001
InstrPred <i>libo</i> ≈ GenSubj <i>ni</i>	0,08	0,06	Inf	1,39	0,9313
GenDO <i>ni</i> ≈ GenSubj <i>ni</i>	-0,15	0,05	Inf	-3,08	0,0648

Значимый контраст между предложениями с отрицательными и неопределенными местоимениями свидетельствует о грамматической природе этого различия в приемлемости: длина предложений и их синтаксическая структура в остальном полностью идентичны, а различие все-таки есть. При этом значимыми оказались и другие противопоставления, которые стоит скорее считать влиянием несинтаксических факторов: таковы, например, отличия предложений с *либо*-местоимениями от грамматичных филлеров, а также предложений с *ни*-местоимениями от неграмматичных.

5. Обсуждение итогов эксперимента: выводы и перспективы

Итоги проведенного нами эксперимента позволяют сделать вывод о том, что отрицательные местоимения на *ни*- внутри атрибутивных групп прилагательного оцениваются значимо хуже неопределенных местоимений на *либо* в той же позиции. Это подтверждает справедливость обобщения М.А. Рожновой: сентенциальное отрицание не может лицензировать *ни*-местоимения, находящиеся внутри атрибутивных AdjP [Рожнова, 2009]. Более того, поскольку в новом эксперименте мы использовали прилагательные, обладающие валентностью на именную группу, оформленную управляемым косвенным падежом, можно считать достоверно установленным, что аргументный или адъюнктивный статус внутри AdjP самой зависимой от прилагательного именной или предложной группы, в состав которой входит отрицательное местоимение, а также категориальный статус этой составляющей (предложная группа PP в пилотном эксперименте и именная группа NP/DP – в основном) не влияют на возможность лицензирования отрицательных местоимений сентенциальным отрицанием через границу атрибутивных AdjP (оно в любом случае остается невозможным). Ни использованные в пилотном эксперименте PP вроде *ни для кого* и *ни для одного* (чей статус в качестве аргумента или адъюнкта прилагательного неясен), ни явно аргументные именные группы вроде *никакой N* в позиции компонента прилагательного из основного эксперимента не могут лицензироваться сентенциальным отрицанием, если находятся внутри атрибутивной AdjP.

Кроме того, результаты эксперимента свидетельствуют об отсутствии статистически значимых различий внутри класса предложений с отрицательными *ни*-местоимениями, вложенными в атрибутивные AdjP, в зависимости от синтаксической функции именной группы, модификатором которой является эта AdjP (кроме того случая, когда она

выступает определением генитивного субъекта¹¹). В частности, объектный генитив отрицания не приводит к значимому повышению оценок по сравнению с предложениями, где прямое дополнение оформлено аккузативом, что подтверждает сделанный в рамках пилотного исследования вывод о том, что маркирование объемлющей именной группы генитивом отрицания не влияет на (не)приемлемость предложения.

Переходя к вопросу о возможном теоретическом моделировании полученных результатов, нужно отметить, что запрет на лицензирование NCI внутри атрибутивных AdjP (в отличие от предикативных) сентенциальным отрицанием нельзя объяснить тем, что атрибутивные AdjP всегда вложены в именную группу. Дело в том, что, как показала М.А. Рожнова, в общем случае отрицательные местоимения, вложенные в именную группу, могут быть лицензированы сентенциальным отрицанием:

- (25) Мы не нашли доказательств вины никого из подсудимых.
[Рожнова, 2009, с. 58, (19a)]

Таким образом, хотя ни граница AdjP, ни граница именной группы не создают по отдельности непрозрачную область для лицензирования *ни*-местоимений сентенциальным отрицанием, комбинация границ именной группы и AdjP, наблюдаемая в примерах с атрибутивными (т.е. вложенными в именную группу в качестве модификатора) группами прилагательного, порождает таковую. Лицензирование же неопределенных местоимений на *-либо* полностью нечувствительно к границам именной группы, AdjP или любому их сочетанию.

Поэтому невозможность лицензирования *ни*-местоимений внутри атрибутивных AdjP сентенциальным отрицанием стоит скорее рассматривать в качестве частного случая общего запрета (5) на употребление отрицательных местоимений внутри таких групп прилагательного, именных и предложных групп, которые являются адьюнктами, что и делает М. Рожнова [Рожнова, 2009].

Экспериментально подтвержденное нами эмпирическое обобщение (5), по-видимому, может быть теоретически описано в рамках любого из двух наиболее часто используемых в недавних работах подходов к анализу отрицательного согласования в русском языке. С одной

¹¹ Генитивный субъект во всех стимульных предложениях был подлежащим при *не было*, а оформление аргумента бытийного глагола под отрицанием генитивом – наиболее прототипический случай именной группы в субъектном генитиве отрицания. В частности, здесь невозможно оформление этой именной группы номинативом, тогда как во многих других случаях генитив отрицания является факультативным (и соответствующая именная группа может маркироваться номинативом или аккузативом в зависимости от своей синтаксической функции).

стороны, можно принять анализ, в соответствии с которым отрицательное согласование сводится к передвижению NCI в спецификатор вершины-лицензора, где отрицательные местоимения, выступая в качестве зондов, могут означить свои признаки через согласование с подходящей целью – вершиной Neg°. Этот анализ был предложен в [Vošković, 2009] и в дальнейшем использовался в работах [Россяйкин, 2021; Rudnev, 2024]. В этом случае недопустимость лицензирования NCI через границу атрибутивной группы прилагательного можно объяснить невозможностью передвижения из атрибутивных AdjP, что само по себе вполне может быть проявлением более общего запрета на вынос из адьюнктов. Аргументом в пользу этого подхода является, например, невозможность вопросительного и относительного выноса из атрибутивных групп прилагательного¹² (27b–с) в противоположность предикативным, допускающим подобный вынос (26b–с):

- (26) а. Новая соседка не была похожа ни на кого из актрис.
 б. На кого_{*i*} новая соседка была удивительно похожа *t_i*?
 с. Вот портрет актрисы, на которую_{*i*} была удивительно похожа *t_i* новая соседка. [Байков, 2023, с. 43, (46)]
- (27) а. *Я не встретил похожую ни на кого из актрис соседку.
 б. *На кого_{*i*} ты вчера встретил удивительно похожую *t_i* соседку?
 с. *Вот портрет актрисы, на которую_{*i*} я вчера встретил удивительно похожую *t_i* соседку. [Там же, (48)]

Сходным образом ведут себя и атрибутивные причастия, не допускающие ни лицензирования своих зависимых, выраженных отрицательными местоимениями, матричным сентенциальным отрицанием (28), ни вопросительного или относительного выноса зависимых (29):

- (28) *Книги, написанные никем из этих авторов, мне не нравятся. [Рожнова, 2009, с. 64, (45e)]
- (29) а. *Кем_{*i*} тебе не нравятся написанные *t_i* книги?
 б. Вот писатель, которым_{*i*} мне очень нравятся написанные *t_i* книги.

¹² Еще одним аргументом может быть недопустимость в русском языке такого порядка слов, при котором комплемент препозитивного атрибутивного прилагательного подвергается экстрапозиции и в результате оказывается расположенным после модифицируемой этим прилагательным именной вершины (в английском и в ряде других западноевропейских языков такой порядок слов приемлем):

- (i) а. *пригодная пища всем
 б. suitable food for everyone [Гращенков, 2018, с. 262]

С другой стороны, можно сводить лицензирование отрицательных местоимений к дистантному согласованию NCI и вершины-лицензора Neg° (без передвижения цели-NCI в спецификатор Neg°) вслед за [Zejlstra, 2004; Lyutikova, Gerasimova, 2023]. В этом случае запрет на лицензирование NCI внутри атрибутивных AdjP сентенциальным отрицанием можно объяснить, например, тем, что расширенная проекция атрибутивных прилагательных (в отличие от предикативных) содержит вершину Mod° [Rubin, 1994], которая является горизонтом в смысле [Keine, 2016, 2021] для согласовательного зонда Neg°, из-за чего тот, обнаружив ее, прекращает поиск более глубоко вложенной цели и как следствие не достигает NCI. Аргументом в пользу такого анализа, предложенного в работе [Байков, 2023], является неуниверсальность этого ограничения, которую можно легко моделировать, допустив параметрическое варьирование Neg°-зонда от языка к языку в том, какие именно проекции являются для него горизонтами.

Запрет на лицензирование NCI сентенциальным отрицанием через границу атрибутивной AdjP, выявленный в работе [Рожнова, 2009] для русского языка и подтвержденный результатами обоих экспериментов, не является универсальным. Так, сама М.А. Рожнова отмечает в той же работе, что он не выполняется в испанском, где грамматичны примеры вроде (30).

- (30) No me gusta gente propensa a ninguna
 NEG мне нравиться.3SG люди склонный к никакая
 mala costumbre...
 плохая привычка
 ‘Я не люблю людей, склонных к каким-либо плохим привычкам,
 <за исключением шокоголиков>.’ [Там же, с. 64, (46д)]

Кроме того, [Przepiórkowski, Kupść, 1997] отмечают, что в польском языке отрицательные местоимения внутри атрибутивного причастного оборота могут лицензироваться матричным сентенциальным отрицанием:

- (31) Lingwiści piszący o NICZYM *(nie) są tak
 Лингвисты пишущие о ничто NEG быть.3PL так
 nudni, jak ci piszący o negacji.
 скучны как те пишущие об отрицании
 ‘Лингвисты, пишущие о чем-либо (другом / кроме отрицания),
 не так скучны, как те, которые пишут об отрицании.’
 [Przepiórkowski, Kupść, 1997, (42b)]

Данных, которые бы свидетельствовали о приемлемости или недопустимости в польском лицензирования отрицательных местоимений

через границу атрибутивной группы прилагательного (а не причастного оборота), авторы не приводят. Однако даже в отсутствие таких данных можно с уверенностью говорить о различиях между польским и русским, поскольку в русском атрибутивные причастные обороты непрозрачны для отрицательного согласования (28). Следовательно, как языки с нестрогим отрицательным согласованием вроде испанского, так и некоторые из языков со строгим отрицательным согласованием (например, польский) допускают лицензирование NCI сентенциальным отрицанием через границу атрибутивной AdjP (или атрибутивного причастного оборота), в то время как в русском оно невозможно.

Вопрос о соотношении синтаксических ограничений, которым подчиняется отрицательное согласование, с ограничениями локальности, накладываемыми на другие дистантные синтаксические процессы, безусловно, заслуживает отдельного рассмотрения. В частности, если окажется, что в польском (как и в русском) невозможен вопросительный вынос зависимых атрибутивного прилагательного, но допустимо лицензирование сентенциальным отрицанием отрицательных местоимений, находящихся внутри атрибутивной группы прилагательного, можно будет говорить о том, что отрицательное согласование в польском еще в меньшей степени, чем в русском, похоже на вопросительный вынос, а значит, вариант анализа с привлечением понятия горизонта для согласовательного зонда [Keine, 2016, 2021] окажется более подходящим.

Таким образом, в рамках статьи были рассмотрены два синтаксических эксперимента, направленных на проверку и более обстоятельное изучение обобщения, выдвинутого в работе [Рожнова, 2009]: атрибутивные группы прилагательного (в отличие от предикативных) непрозрачны для отрицательного согласования. Было показано, что это обобщение выполняется как для полных, так и для кратких предикативных прилагательных. Границы атрибутивных AdjP оказались проницаемыми для лицензирования NPI, т.е. неопределенных местоимений на *-либо*, но непроницаемыми для лицензирования NCI, т.е. отрицательных *ни*-местоимений. Это различие может свидетельствовать о том, что лицензирование *ни*-NCI (отрицательных местоимений), будучи синтаксическим процессом, для которого важны ограничения локальности, не может пересекать границу адъюнкта (вроде атрибутивной AdjP). В то же время лицензирование *либо*-NPI (неопределенных местоимений) вполне может быть семантическим явлением [Россяйкин, 2021], подчиняющимся гораздо менее жестким синтаксическим ограничениям локальности: для него оказывается неважным аргументно-адъюнктный статус границ составляющих, которые отделяют *либо*-NPI от неверидикативного оператора (в нашем случае – от сентенциального

отрицания), из-за чего неопределенные местоимения на *-либо* могут выступать в роли зависимого при атрибутивном прилагательном даже тогда, когда единственный потенциальный лицензор – только сентенциальное отрицание.

Наконец, итоги проведенного эксперимента устраняют сомнения относительно возможных неграмматических (прагматических, информационно-структурных, связанных с процессингом и т.д.) объяснений запрета на употребление именных групп, содержащих отрицательные местоимения, в роли дополнения при атрибутивных прилагательных. Неоднократно выявленная нами на экспериментальном материале невозможность лицензирования отрицательных местоимений сентенциальным отрицанием через границу атрибутивной AdjP является собственно грамматическим ограничением и не сводится к влиянию неграмматических факторов, таких как низкая частотность выраженных ИГ-комplementов у прилагательных или чрезмерная сложность когнитивной обработки соответствующих структур. Эти неграмматические факторы действуют не только для предложений с отрицательными местоимениями, но и для предложений с неопределенными местоимениями, однако между указанными типами предложений все же наблюдается статистически значимое различие.

Библиографический список / References

Байков, 2023 – Байков Ф.В. Локальность внутриклаузного отрицательного согласования в русском языке: сравнение с другими нелокальными взаимодействиями // Русский язык в научном освещении. 2023. № 2. С. 26–58. [Baykov F.V. Locality of intra-clausal negative concord in Russian: A comparison with other non-local syntactic processes]. *Russkiy yazyk v nauchnom osveshchenii*. 2023. No. 2. Pp. 26–58. (In Rus.)]

Байков, 2024 – Байков Ф.В. Отрицательные местоимения внутри группы прилагательного: экспериментальное исследование // Труды Института русского языка им. В.В. Виноградова РАН. 2024. № 2. С. 47–61. [Baykov F.V. Negative concord items inside adjective phrases: An experimental study. *Proceedings of the V.V. Vinogradov Russian Language Institute*. 2024. No. 2. Pp. 47–61. (In Rus.)]

Герасимова, 2021 – Герасимова А.А. Учебные материалы практикума по экспериментальному синтаксису. Отбор респондентов. 2021. URL: https://agerasimova.com/wp-content/uploads/Gerasimova_Practice_Outliers.pdf (дата обращения: 20.04.2023). [Gerasimova A.A. Uchebnye materialy praktikuma po ehksperimentalnomu sintaksisu. Otbor respondentov [Experimental syntax. Practical course. Selecting respondents]. 2021. URL: https://agerasimova.com/wp-content/uploads/Gerasimova_Practice_Outliers.pdf]

Герасимова, Лютикова, 2021 – Герасимова А.А., Лютикова Е.А. Лицензирование отрицательных местоимений в инфинитивных клаузах: экспериментальное

исследование // Russian Grammar: System – Language Usage – Language Variation. V. Warditz (ed.). Peter Lang, 2021. Pp. 177–190. [Gerasimova A.A., Lyutikova E.A. Licensing of negative pronouns in infinitival clauses: An experimental study. *Russian Grammar: System – Language Usage – Language Variation*. V. Warditz (ed.). Peter Lang, 2021. Pp. 177–190. (In Rus.)]

Гращенков, 2018 – Гращенков П.В. Грамматика прилагательного: Типология адъективности и атрибутивности. М., 2018. [Grashchenkov P.V. Grammatika prilagatelno: Tipologiya adektivnosti i atributivnosti [Grammar of the adjective: Typology of adjectivity and attributivity]. Moscow, 2018.]

Падучева, 2006 – Падучева Е.В. Генитив дополнения в отрицательном предложении // Вопросы языкознания. 2006. № 6. С. 21–44. [Paducheva E.V. Genitive of the object in negative sentences. *Voprosy yazykoznaniya*. 2006. No. 6. Pp. 21–44. (In Rus.)]

Падучева, 2015 – Падучева Е.В. Снятая утвердительность и неверидиктальность (на примере русских местоимений отрицательной полярности) // Russian Linguistics. 2015. Vol. 39. No. 2. Pp. 129–162. [Paducheva E.V. Suspended assertion and nonveridicality: The case of Russian negative polarity items. *Russian Linguistics*. 2015. Vol. 39. No. 2. Pp. 129–162. (In Rus.)]

Падучева, 2017 – Падучева Е.В. Отрицательные местоимения. Материалы для проекта корпусного описания русской грамматики (<http://rusgram.ru>). На правах рукописи. М., 2017. [Paducheva E.V. Otritsatelnye mestoimeniya [Negative pronouns]. Materials for the project of corpus description of Russian grammar (<http://rusgram.ru>). Moscow, 2017.]

Рожнова, 2009 – Рожнова М.А. Синтаксические свойства отрицательных местоимений в испанском и русском языках. Дипломная работа. РГГУ. 2009. [Rozhnova M.A. Sintaksicheskie svojstva otricatelnykh mestoimenij v ispanskom i russkom yazykah [Syntactic properties of negative pronouns in Spanish and Russian]. MA thesis. Russian State University for the Humanities. 2009.]

Россяйкин, 2021 – Россяйкин П.О. Русские *ни*-местоимения лицензируются над отрицанием // Рема. Rhema. 2021. № 4. С. 69–118. DOI: 10.31862/2500-2953-2021-4-69-118 [Rosseyaykin P. Russian negative pronouns are licensed above negation. *Rhema*. 2021. No. 4. Pp. 69–118. (In Rus.). DOI: 10.31862/2500-2953-2021-4-69-118]

Abels, 2005 – Abels K. “Expletive negation” in Russian: A conspiracy theory. *Journal of Slavic Linguistics*. 2005. Vol. 13. No. 1. Pp. 5–74.

Bošković, 2009 – Bošković Ž. Licensing negative constituents and negative concord. *NELS 38: Proceedings of the 38th Annual Meeting of the North East Linguistic Society*. A. Schardl, M. Walkow, M. Abdurrahman (eds.). Amherst, MA, 2009. Pp. 125–139.

Brown, 1999 – Brown S. The syntax of negation in Russian: A minimalist approach. Stanford (CA), 1999.

de Swart, 2010 – de Swart H. Expression and interpretation of negation: An OT typology. Dordrecht, 2010.

Dobrushina, 2012 – Dobrushina N.R. Subjunctive argument clauses in Russian. *Russian Linguistics*. 2012. Vol. 36. No. 2. Pp. 121–156.

Fitzgibbons, 2010 – Fitzgibbons N. Freestanding n-words in Russian: A syntactic account. *Journal of Slavic Linguistics*. 2010. Vol. 18. No. 1. Pp. 55–99.

Garzonio, 2019 – Garzonio J. Negative concord in Russian: An overview. *Studi di linguisticaslava*. 2019. Vol. 20. Pp. 175–190.

Giannakidou, 2011 – Giannakidou A. Negative and positive polarity items. *Semantics: An international handbook of natural language meaning*. Vol. 2. C. Maienborn, K. von Stechow, P. Portner (eds.). Berlin, 2011. Pp. 1660–1712.

Giannakidou, Zeijlstra, 2017 – Giannakidou A., Zeijlstra H.F. The landscape of negative dependencies. *The Wiley Blackwell Companion to syntax*. 2nd ed. M. Everaert, H. van Riemsdijk (eds.). John Wiley & Sons, 2017. Pp. 1–38.

Haegeman, 1995 – Haegeman L. The syntax of negation. Cambridge University Press, 1995.

Keine, 2016 – Keine S. Probes and their horizons. PhD dis. University of Massachusetts. 2016.

Keine, 2021 – Keine S. Probes and their horizons. Cambridge, MA, 2021.

Kuhn, 2022 – Kuhn J. The dynamics of negative concord. *Linguistics and Philosophy*. 2022. Vol. 45. No. 1. Pp. 153–198.

Laka, 1990 – Laka I. Negation in syntax: On the nature of functional categories and projections. Dr. dis. MIT, Cambridge, Mass. 1990.

Letuchiy, 2025 – Letuchiy A. What does the linear position of negative concord items tell us about their properties? *Negative concord: A hundred years on*. J. van der Auwera, C. Gianollo (eds.). Berlin, 2025. Pp. 207–238.

Lyutikova, Gerasimova, 2023 – Lyutikova E., Gerasimova A. Negative concord and locality in Russian. *Canadian Journal of Linguistics / Revue canadienne de linguistique*. 2023. Vol. 68. No. 1. Pp. 31–73.

Pereltsvaig, 2006 – Pereltsvaig A. Negative polarity items in Russian and the “Bagel Problem”. *Negation in Slavic*. A. Przepiorkowski, S. Brown (eds.). Bloomington, Indiana, 2006. Pp. 153–178.

Przepiorkowski, Kupść, 1997 – Przepiorkowski A., Kupść A. Negative concord in Polish. Ms. Institute of Computer Science, Polish Academy of Sciences. 1997. URL: <http://nlp.ipipan.waw.pl/~adamp/Papers/1997-828/>.

Rossyaykin, 2025 – Rossyaykin P. The universal force of (strict) negative concord. *Negative concord: A hundred years on*. J. van der Auwera, C. Gianollo (eds.). Berlin, 2025. Pp. 123–148.

Rubin, 1994 – Rubin E.J. Modification: A syntactic analysis and its consequences. PhD dis. Cornell University. 1994.

Rudnev, 2024 – Rudnev P. Strict negative concord in Russian and the directionality of Agree. Ms. HSE University. Moscow. 2024.

Tsedryk, 2024 – Tsedryk E. Negative concord in East Slavic: Looking into the core of the Bagel Problem. *Strict negative concord in Slavic and Finno-Ugric: Licensing, structure and interpretation*. G. Dalmi, J. Witkoś, P. Cegłowski (eds.). Berlin, 2024. Pp. 21–61.

van der Auwera, 2022 – van der Auwera J. Nominal and pronominal negative concord, through the lens of Belizean and Jamaican Creole. *Linguistics*. 2022. Vol. 60. No. 2. Pp. 505–540.

Zehr, Schwarz, 2018 – Zehr J., Schwarz F. PennController for Internet Based Experiments (IBEX). 2018. DOI: 10.17605/OSF.IO/MD832

Zeijlstra, 2004 – Zeijlstra H. Sentential negation and negative concord. PhD dis. Utrecht University. 2004.

Статья поступила в редакцию 14.12.2024
The article was received on 14.12.2024

Об авторе / About the author

Байков Федор Владимирович – аспирант кафедры теоретической и прикладной лингвистики филологического факультета, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова

Fyodor V. Baykov – PhD student at the Department of Theoretical and Applied Linguistics of the Philological Faculty, Lomonosov Moscow State University, Russian Federation

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9376-0118>

E-mail: baykov3105@mail.ru